

Сергей Мишенев



**ШПАГА
МАСТЕРА**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
М71

Серия «Историческая фантастика. Эпоха Империй»

Художник обложки: *Владимир Гурков*

Мишенев, Сергей Викторович

М71 Шпага мастера / Сергей Мишенев.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 287 с. (Историческая фантастика. Эпоха Империй).

ISBN 978-5-17-09361-4

Франция, начало XX века. В маленькую провинциальную школу фехтования поступает новый ученик. Поначалу он не блещет ни умением, ни обучаемостью, однако с его появлением вокруг фехтовальной школы происходят странные события. Масоны, представители Ватикана... А когда сходятся вместе тайна и большая политика, крови уже не избежать.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Подписано в печать 29.02.16.
Формат 84 x 108 1/32. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Сергей Мишенев, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Фехтование — как причастие.
Приступать к нему надо, очистив тело и душу.
Артуро-Пефес Реверте

Маэстро Филипп Дижон с недоумением и даже, пожалуй, с некоторым интересом смотрел на своего нового ученика. Он тщательно перебирал в памяти весь свой педагогический опыт, пытаясь понять, приходилось ли ему и раньше встречать *таких*? Быть может, незаконнорожденный отпрыск Савиньяков способен был так удивлять старого учителя? Или тот толстый торговец Рагно, пару лет назад, тоже был очень необычным. Но чтобы до такой степени... Маэстро Дижон вынужден был признаться, что впервые видит такого ученика. Такого тупого!

Индивидуальные уроки маэстро Дижон давал на высокой галерее, которую он пристроил к длинной стене фехтовального зала специально для этой цели. Здесь было и зеркало для отработки боевой стойки, и большая черная мишень из толстой буйволовой кожи. Подняться на галерею можно было по узкой винтовой лестнице, при этом остальные посетители зала тренировались внизу.

Сергей Мишенев. ШПАГА МАСТЕРА

Молодой человек, стоящий перед учителем, олицетворял собой предельное внимание и искреннее усердие. Сосредоточенно сдвинув брови, он стоял возле мишени и тщательно отработывал движения, которые только что показал ему маэстро. Впрочем, это слишком громко сказано — отработывал. Несмотря на впечатляющие физические достоинства, новый ученик фехтовальной школы Дижона, которого звали Альберт, не мог выполнить ни одного шага без дефектов и ошибок. Да! Вот что, пожалуй, поражало и раздражало больше всего! Тот торговец с площади Республики тоже выглядел посмешищем. Но в этом не было ничего удивительного — от веселого нескладного толстяка никто и не ждал идеальных выпадов. А сын старого Савиньяка был настолько слаб и тщедушен, что, казалось, он и без выпадов вот-вот выронит шпагу. Но этот новенький!

Гибкое тело Альберта, укрепленное роскошной мускулатурой, казалось, было создано специально для фехтовальных экзерсисов высшего порядка. Когда новенький впервые переступил порог фехтовального зала (такой мягкий и одновременно уверенный шаг!), маэстро подумал, что он станет одним из лучших его учеников. Не считая, разумеется, Марка. А теперь, глядя на нелепые движения новичка, учитель понимал: он ошибся. Да еще как ошибся! Прежде таких ошибок с ним не случалось...

Уже без малого тридцать лет маэстро Филипп Дижон держал собственный фехтовальный зал на улице Святого Антония, что пересекала город от площади Республики до северных окраин. В маленьком южном городке Керкиньяне это место считалось почти фешенебельным районом: площадь Республики, со своей Ратушей, небольшой, но красивой церковью и популяр-



ной кондитерской, отделяла его от беспокойного припортового района, населенного, по преимуществу, грузчиками, ростовщиками, старыми матросами, цыганами и нищими.

Когда маэстро Дижон был еще маленьким, школы фехтования в Керкиньяне не было вообще. Но Филиппу повезло: его отправили на воспитание в Париж, где он жил до самого совершеннолетия. Именно в Париже его отдали в обучение к одному из самых известных мастеров — Камилло Прево.

В это время во Франции как раз набирала силу борьба старой и новой школ. Сама идея новой школы принадлежала провинциальному фехтовальщику Ля Фожеру, который, приехав в Париж в 1816 году, вознамерился испытать свои теории на практике, вступив в честный поединок с лучшим представителем классической школы графом Бонди. И блестящая победа Ля Фожера в присутствии большого количества зрителей и фехтовальных авторитетов того времени произвела настоящую сенсацию. Приверженец старой школы академик Эрнст Легуве в 1830 году откликнулся на это событие статьей «Турнир XIX столетия». В частности, он писал следующее: «Резкая реакция реализма против романтического академизма в литературе и живописи не могла не отразиться и на фехтовании. Гомар, Шарлеман, Корденуа и другие могли с истинным сожалением наблюдать за возникновением новой школы, которая, заботясь только о нанесении укола, отбросила требования изящества и грации движений, как бесполезные и смешные. Напрасно Бертран, наш несравненный Бертран, доказывал своими уроками и личным примером, что можно одновременно быть и грациозным, и сильным бойцом. С каждым днем новая

Сергей Мишенев. ШПАГА МАСТЕРА

школа завоевывала право гражданства. Фехтование отныне остается, без сомнения, упражнением полезным, занимательным, но это больше не искусство, ибо „нет искусства там, где нет красоты“».

Маэстро Камилло Прево, у которого начал обучаться маленький Филипп, однако, был горячим приверженцем старой школы. Он требовал от своих учеников точного следования классическому канону и добивался от них абсолютного изящества в каждом движении. Ведь он сам был сыном и учеником Пьера Прево, который, в свою очередь, учился у Батиста Бертрана. Того самого Бертрана, который ставил красоту на один уровень с искусством.

Отучившись у маэстро Прево девять лет, Филипп вернулся в Керкиньян и принялся активно насаждать парижское фехтование в патриархальном обществе маленького портового городка. Он организовывал турниры, проводил общедоступные занятия, приглашал авторитетных специалистов для чтения лекций и показательных выступлений... В конце концов его усилия увенчались некоторым успехом. Во всяком случае, с десятков молодых людей из уважаемых семей стали брать у него регулярные уроки, а сам маэстро приобрел определенную известность. И в какой-то момент, воспользовавшись обоими этими факторами, а также благосклонностью мэра, маэстро Дижон открыл этот самый фехтовальный зал на улице Святого Антония, назвав его «Школа фехтовальных искусств».

За несколько лет, ценой больших усилий, маэстро Дижон сумел превратить свой зал в заметный культурный центр. Здесь начали тренироваться многие молодые люди из хороших или, правильнее сказать, обеспеченных семей. Сюда стали заезжать мастера из других



городов, знакомясь с молодым учителем и его строгой, немного старомодной методикой. А во время турниров, которые маэстро Дижон стал проводить каждый год, в зал съезжались самые уважаемые горожане, включая отцов города.

...До конца урока Альберта оставалось еще около четверти часа. Маэстро Дижон сосредоточился и вновь попытался исправить неадекватную технику нового ученика:

— Прервитесь, молодой человек. То, чем мы сейчас занимаемся, является основой основ, краеугольным камнем всей фехтовальной науки. Наша боевая стойка, наши передвижения и выпады далеко выходят за пределы общечеловеческих двигательных навыков. Поэтому нельзя делать это в обыденном, так сказать бытовом, человеческом состоянии. Ну представьте, что вы на молитве или исповеди, подумайте о том, что вы художник, создающий свое самое великое творение, или вспомните свою первую любовь и только тогда, только тогда, повторяю я, встаньте на боевую линию, лицом к лицу с самым главным человеком в вашей жизни — с вашим противником. Пока лишь воображаемым.

Альберт внимательно слушал и, казалось, запомнил каждое слово учителя. Маэстро Дижон приободрился и продолжил:

— А теперь вспомните, как вы, уставший, скажем, после охоты, приходите домой и без сил опускаетесь в старинное кресло. И именно так сейчас вам необходимо сесть в боевую стойку. Не встать, как вы это пытаетесь делать, а именно сесть! Сесть, как в старинное удобное кресло! Так меня учил мой учитель, а уж он знал толк и в креслах, и в стойках!

Сергей Мишенев. ШПАГА МАСТЕРА

В какой-то момент маэстро Дижон с удовлетворением отметил, что дело сдвинулось с мертвой точки, и странный бездарный ученик с телом полубога начинает поддаваться таинственной мистерии учебного процесса. И тогда он приступил к самому главному и сложному элементу сегодняшнего урока — атаке с выпадом:

— И, наконец, мягко потянитесь рукой вперед, незаметно, но уверенно — так, как будто просите милостыню у случайного прохожего, так, как будто бы вы всего лишь собираетесь коснуться края его одежды, а затем резко и внезапно выстрелите ногами! Ваши ноги должны стать взрывом!

И тут едва заметное понимание, которое маэстро Дижон только что наблюдал в движениях нового ученика, мгновенно исчезло. Альберт как следует замахнулся и, разрушая все старинные каноны, сделал выпад, способный покрыть несмываемым позором любую фехтовальную школу. Учитель вздрогнул. Может быть, он просто издевается, этот ученик? Да нет, слишком много искреннего старания вкладывает новенький в процесс обучения, слишком он пытливый и внимательный. Только вот как можно быть таким бездарным? Маэстро снова (в который уже раз?) взял себя в руки:

— Должен вас огорчить, молодой человек, вы только что выполнили очень плохое движение. Но хуже всего то, что вместо показа укола вы сделали замах, поправ тем самым все основы фехтовальной культуры.

— Маэстро, но показ укола представляется мне настолько надуманным движением, что его и сделать невозможно, — Альберт не в первый раз обратился к учителю с вопросом, и учитель уже знал, что это будет совершенно идиотский вопрос. — Я стараюсь, но не по-



нимаю, как можно мягко тянуться к противнику, которого собираешься проткнуть? Разве не правильнее, не естественнее было бы с решительным замахом вогнать в тело врага добрую половину своего клинка?

Маэстро почувствовал некоторую растерянность от того, что ему сейчас придется объяснять азбучные истины достаточно взрослому человеку. Обычно ученики не задают подобных вопросов, принимая на веру слова фехтмейстера. Обычно ученики добросовестно выполняют базовые задания и спешат, спешат продвигаться все дальше, узнавать все больше, чтобы скорее приступить к практическим занятиям, чтобы скорее стать лучшим в школе Дижона и, возможно, в дальнейшем превзойти самого старого учителя. Глупо, но вполне естественно. Естественно... Нет, это не обычный ученик!

— Именно, молодой человек, именно так, как вы сказали! Гораздо естественнее было бы с размахом воткнуть в ближнего своего пару пядей стали! И именно так и поступают в своих кабацких стычках непосвященные простолюдины. Но один из главных секретов нашего искусства как раз таки и заключается в противоестественности! Слышали ли вы когда-либо выражение «сверхъестественные возможности»? Конечно, слышали! И не знаю, как вы, а я лично всегда мечтал, всегда стремился овладеть этими самыми сверхъестественными возможностями. Так вот представьте себе, что сверхъестественные возможности не открываются естественными путями! Путь к ним возможен только через противоестественное! Именно эту сакральную истину открыли наши предки столетия тому назад, приступая к созданию самого противоестественного, самого искусственного и искусного боевого искусства.

Сергей Мишенев. ШПАГА МАСТЕРА

И посмотрите на нашу боевую стойку. Разве она естественна? Разведенные колени, вывернутая рука, задранный подбородок... А наши передвижения? Не говоря уже, конечно, о принципе показа укола. Нет, люди так не сражаются! Зайдите в кабаки и посмотрите, как дерутся обычные, естественные, люди. Они дерутся естественно и с весьма лимитированной эффективностью. А так, как мы, сражаются только бессмертные боги! Забудьте о своих общечеловеческих навыках и привычках, доверьтесь божественной технике, которую я вам передаю, иначе же вы просто зря потратите свои деньги и мое время.

— Маэстро Дижон, а с сугубо практической точки зрения, что дает показ укола?

Учитель вновь почувствовал раздражение, но на этот раз уже не попытался его скрыть. В самом деле, какого черта? Он только что открыл этому переростку-недоучке метафизические фехтовальные истины такой глубины, после которых любой ученик должен был бы впасть в религиозный экстаз и далее спокойно, усердно радовать наставника скромными успехами. А этот, только что услышав то, за что в свое время люди платили жизнями, задает приземленный вопрос о практической значимости показа укола!

— Ну что же, с практической значимостью все просто. Показ укола важен для нас по трем причинам: первое — он обеспечивает конструктивную точность укола; второе — он позволяет преодолевать защитное сопротивление противника; и третье — он предотвращает успешные контратаки с его стороны. Однако на этом наш урок завершен. Если вы пожелаете продолжить обучение, запишитесь на следующую неделю у Марка.



Когда Альберт, со словами благодарности и видимым сожалением, пожимал левую руку¹ учителю, Филипп понял: новенький не собирается оставлять его в покое и непременно запишется на следующее занятие. «И досадно, и в то же время хорошо»,— думал маэстро, глядя, как тот спускается по ступенькам и неловко топчется в раздевалку. Стоимость индивидуального урока у маэстро Дижона за последние годы выросла до совершенно неприличного уровня, и количество учащихся заметно сократилось. В былые времена учитель, не задумываясь, указал бы такому зануде на дверь и даже не потрудился бы объяснять причины отказа. А теперь еще один платежеспособный ученик явно бы не помешал.

Хотя... как можно быть таким тупым?!

Маэстро подошел к самому краю балюстрады и проводил Альберта глазами. Внизу две пары начинающих фехтовальщиков аккуратно отрабатывали друг с другом парады и рипосты, а под самой балюстрадой о чем-то негромко, но оживленно спорили еще несколько учеников. Учитель прислушался.

— Говорю я вам,— горячился молодой офицер,— наше искусство уже давно утратило свой изначальный смысл!

Его фехтовальный колет был совершенно мокрым от пота, но офицер довольствовался лишь тем, что растегнул пару верхних пуговиц. Говорил он как иностранец, с небольшим акцентом, а его небольшие, но лихо закрученные черные усики топорщились, как рожки майского жука.

¹ В фехтовании принято пожимать левые руки, так как правая занята оружием. При этом первым подает руку учитель, ладонью кверху.

Сергей Мишенев. ШПАГА МАСТЕРА

— Но, раз так, Серж, зачем же тогда ты здесь занимаешься? — пробасил его собеседник, высокий и плечистый здоровяк по имени Пьер.

— Так ведь я занимаюсь для здоровья, а также для развития ловкости, смекалки... Англичане называют это словом «спорт»! А когда я говорю про смысл, я имею в виду изначальную, природную функцию фехтования, я говорю о его буквальном применении, я говорю о возможности уничтожения противника!

— И что же, — не понял Пьер, — разве фехтовальщик не способен уничтожить противника?

— Пьер! Ну вот почему ты такой тугодум?! Я тебе про реальное применение говорю, изначальное, воинское! А в современной войне противника уничтожают пули и снаряды! Пули, снаряды, гранаты, понимаешь ты? Современная война — это комбинация марш-бросков и окапываний, борьба систем снабжения, провиант и боеприпасы, маскировка... Порой исход большого сражения решает такая мелочь, как изменение погоды и теплые шинели, которые одной армии успели доставить, а другой — нет! Словом, места для фехтования здесь не осталось!

Пьер, казалось, ступивал под таким напором аргументов, однако его поддержал еще один собеседник. Маэстро Дижон не видел его из-за балюстрады, но по голосу догадался — это был Ромэн, маленький, разнообразный, совершенно лысый и необычайно быстрый боец.

— Нельзя все на свете измерять войной. Прикладная ценность нашего искусства проявляется не только на войне, но и в поединках чести.

— В поединках чести! — патетично воскликнул офицер. — О, господи! Да где ты последний раз видел поединок чести?



— Их видят не очень часто, потому что дуэль является интимным процессом. Мы не видим дуэли, но мы знаем о них, они были, есть и будут!

— Так ведь и дуэли все чаще проводят на пистолетах! Милое дело — раз, и готово! И ведь сколько способов, господа, сколько способов! Слышали ли вы про американскую дуэль? Это когда противники охотятся друг на друга, как дикие звери, но только с револьверами! А дуэль через платок? А дуэль с использованием одного пистолета? Это когда в барабане только один патрон, а противники стреляют сами в себя по очереди. Или вот такая русская игра, называется «рулетка»... Кстати, очень бодрит!

— Это смотря кто дуэлирует,— понизил голос Ромэн и сделал шаг вперед. Теперь маэстро мог его видеть: маленький, сжатый как пружина, энергичный красавец.— Я слышал, что у вас в России предпочитают пистолеты, а у нас...

— Смотри кто дуэлирует? Да ведь почти никто! Почти никто — вот что я вам скажу! — офицер практически торжествовал.— Деятнадцатый век со всеми своими сословными предрассудками, как-никак, миновал!

Филипп поморщился и отошел от балюстрады. Ему приходилось выдерживать подобные споры сотни раз и в нынешнем двадцатом, и в прошедшем девятнадцатом веке. Он-то в таких спорах побеждал неизменно, используя логику, энергию, напор, а то и угрозы физической расправы с оппонентом. Однако сам при этом понимал: времена, когда благородное искусство фехтования не вызывало лишних вопросов, прошли.

* * *

Июнь 1907 года выдался особенно теплым. А в маленьких городках тепло раннего лета ощущается по-

Сергей Мишенев. ШПАГА МАСТЕРА

особому. Маэстро Филипп Дижон решительными размашистыми шагами двигался по улице Святого Антония в северном направлении — туда, где располагался наиболее фешенебельный район городка. Там, недалеко от рыночной площади, нелепое сплетение нескольких улиц образовывало перекресток с пятью углами. На одном из этих углов располагался довольно большой итальянский ресторан, в котором маэстро обедал настолько часто, что уже давно почитал его своей собственностью. Благодаря оригинальной географии этого местечка, ресторан так и назывался: «Пятый угол».

Не замечая прохожих, одетых по случаю теплой погоды особенно нарядно, проигнорировав настойчивый гудок черного, сверкающего на солнце «Панар и Левассо», принадлежавшего президенту местной торговой гильдии, он сосредоточенно хмурил брови и вызывающе громко цокал своей тростью, в которой, по слухам, был спрятан клинок из старинной индийской стали.

От собственных мыслей его на мгновение отвлек лишь звонкий крик мальчишки-газетчика:

— Конференция в Гааге! Война и человеколюбие!

Однако Филипп даже не повернулся, отметив лишь, что нужно будет повнимательнее ознакомиться с этим свежим выпуском в ресторане. Ловко сбив тростью жирного шмеля, который намеревался спикировать ему прямо на голову, маэстро пересек последнюю улицу и зашел в большую застекленную дверь.

Официант радостно бросился навстречу:

— Маэстро, добро пожаловать! А у нас как раз свежие креветки в белом вине, не желаете ли попробовать?



— И кофе, как обычно,— буркнул Филипп, устраиваясь на лучшем месте возле большого окна. Несколько лет назад, по требованию маэстро, владелец ресторана соскоблил с этого окна пеструю рекламную надпись, гласившую что-то о спагетти и лазанье, и теперь открывающуюся отсюда перспективу ничто не загораживало.

Как и предполагал маэстро, на столике его ждал аккуратно сложенный свежий выпуск газеты. Заголовок на первой странице подтвердил слова уличного газетчика: «Четвертая конференция в Гааге». Далее следовал текст, снабженный фотографией: в большой зале, за огромным овальным столом солидные седовласые мужчины внимают председательствующему — такому же седому мужчине, с красивой пророческой бородой, разделенной надвое. Подпись под фото поясняла: председатель конференции, первый уполномоченный российской делегации, российский посол в Париже, действительный тайный советник Александр Иванович Нелидов.

Маэстро пробежал текст глазами. В целом речь шла об ограничении прав воюющих сторон в области применения средств поражения. Тема показалась Филиппу интересной, и он по привычке принялся выискивать глазами какое-нибудь упоминание об искусстве фехтования на войне. Просмотрев описание тринадцати принятых конвенций: об использовании ядов, о применении боеприпасов, созданных с целью причинить излишние страдания, об ударах по незащищенным городам, о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров и т. п.,— он раздраженно отбросил газету. На память невольно пришел вчерашний спор приезжего русского офицера с Пьером и Ромэном.